

«Всю жизнь нам хотелось побыть вдвоем»

Сколько помню нашу жизнь с Петром Мироновичем, нам все время хотелось побыть вдвоем. Но между нами всегда были люди, с которыми мы жили, общались, встречались и дружили в юности, партизанили в войну, строили мирную жизнь. Сейчас я понимаю, сколько дала нам с Петром эта забота о других. Но тогда думалось: господи, будет ли такой день, что мы останемся одни...

Встреча наша была обычной. В августе 1939 года я, выпускница Минской зубо-врачебной школы, приехала в Россоны, где меня временно оставили работать в больнице. Сюда же приехал к родителям после окончания Витебского пединститута Петр Машеров. Городишко был небольшой: на одном конце чихнут, на другом здоровья пожелают, и людская молва донесла: два брата-учителя пожаловали, хоть и красивые, а неприступные парни.

Буквально на другой день ко мне на прием зашел высокий молодой человек. Заполняю карточку на него и думаю: наверно, он и есть один из тех неприступных. Первый в жизни «серьезный» пациент, сверлю зуб без лишних слов и распросов. Пломбу поставила, а он возьми и опять на прием. Я опять молчу, хотя и думаю, что к такой молчунье всякий интерес пропадет. Потом мы совершенно случайно (это теперь я знаю, что случайностей не бывает) встретились в библиотеке. Обрадовались, как давние знакомые, разговорились. И он проводил меня домой. Вскоре я уехала врачевать в деревню Соколище в тридцати километрах от Россон. Меня избрали там секретарем комсомольской ячейки, приходилось приезжать в райцентр. Петр преподавал физику и математику в школе, был комсомольским активистом. Изредка мы встречались на совещаниях, разговаривали.

Петр Миронович Машеров был мужчина спортивный, стройный, элегантный и привлекательный. Улыбка шла ему, излучала искренность и доброту. Многие женщины смотрели на него с восхищением, а он был верен одной — Полине Андреевне Галановой, своей первой любви, обаятельной девушке со Шкловщины. С первой встречи они понравились друг другу. Говорят, это была хорошая супружеская пара, в их единении было великое счастье. Вот что рассказывает об этом сама Полина Андреевна.

Так. Петр из окружения выбрался и возвратился в Россоны. Мы встретились, он обрадовался, что я жива и рядом. 'Надо переходить линию фронта', — сказал он. А вскоре создал в поселке подпольную комсомольско-молодежную организацию. В апреле 1942 года подпольщики, точнее, Петр со своими учениками 9—10-х классов, ушли в лес, образовали партизанский отряд. Меня назначили начальником санчасти, Петр стал командиром отряда 'Дубняк'. Там, в россонских лесах, мы лучше поняли друг друга, крепко подружались. Я даже идти в бой старалась вместе с ним, чтоб быть рядом и мгновенно перевязать, если надо будет... Он ведь высокий, и дуля могла его 'выбрать'. Дважды ранило Петра — в бедро и в руку, но Бог его берет, кость ни разу не задело. Госпиталь и лазарет еще не было, отлеживался дома, а если кто в материнский дом заходил, прятался.

Поженились мы после войны. Были бесхитростны и стеснительны. Петя работал первым секретарем Вилейского обкома комсомола. Когда его пригласили на вручение звезды Героя Советского Союза, собрались и вместе поехали в Москву. Костюм у него был сшит из парашютного материала, он в нем очень стеснялся идти в ЦК комсомола. Пришлось разыскать мастера и срочно сшить военную форму. В ней и пошел

перебрались в Молодечно, туда же переехали и его сестры. Жили вместе, садили картошку, держали корову. Помогать по хозяйству Петр не мог — времени не было. И если надо было что-то по хозяйству, я шла к старшему брату Петра Павлу Мироновичу.

В те годы советские, партийные и комсомольские работники без всяких выходных и отпусков работали. Еще и ночи нередко прихватывали. Сейчас над этим подтрунивают, но тогда многие руководители ни себя, ни семей своих не щадили. За общее дело Петр всегда болел, это была его жизненная позиция.

Мне часто приходилось носить мужу обед. Прихожу, а он над бумагами корпеев. Не могу говорить, чтобы с ошибками и оплошностями документы были. Дорабатывал, случалось, их в выходные дни и по вечерам. Потому что с утра до вечера шли к нему люди, и сам он любил с молодежью заниматься. Умел понять и поднять людей на дело, повести за собой.

Петр был общительным, тактичным человеком, интересным собеседником, заботливым отцом, внимательным мужем. В большие праздники мы всей семьей шли в колоннах демонстрантов, ходили к родным, друзьям и знакомым в гости. Но Петру Мироновичу больше нравилось при-

Петр Миронович никогда не забывал поздравить с днем рождения, другими праздниками, приносил цветы, подарки. Несмотря на огромную занятость, особенно в последние годы, находил время для боевых друзей-партизан, навещал их в больнице или дома. Ко мне и дочерям был мягок, к друзьям требователен, к товарищам по работе справедлив. А вообще людей он жалел и любил.

Придет, бывало, с работы расстроенный, говорит: за дело отчитал какого-то работника, а тот болезненно это воспринял. Не хорошо получилось. И смотришь — берет телефонную трубку, звонит, говорит мягко, чтобы человек спал спокойно.

Люди есть люди. Кое-кто горазд обойти закон, устроиться по благу. Петр этого терпеть не мог. Некоторые ловкачи решали: выйдем на жену, авось она поможет. Но муж сказал мне в самом начале: Полина, в дела служебные не вмешивайся никогда. Вот посоветоваться друг с другом можем. Конечно же, на меня выходили. Но я советовала им, куда лучше обратиться, и честно говорила, что не обременяю мужа посторонними просьбами. Все служебные дела Петр Миронович решает в своем рабочем кабинете. Вот туда и обращайтесь.

Как в каждой другой семье, были у нас свои трудности. Накопится, бывало, что-то на душе, думаю, в отпуске уж все ему выскажу. А отпуск придет, все прошлые обиды — прах, зачем настроение мужу портить? Одним словом, терпение великое в семейной жизни надо иметь. Может сложиться впечатление, что Петр Миронович просто идеал. Нет, скорее сложный был человек, со своеобразным характе-